

*А. В. Черняев, А. Ю. Бердникова**

ОСНОВНЫЕ ВЕХИ РЕЦЕПЦИИ ИДЕЙ ТРАКТАТА Н. А. БЕРДЯЕВА «НОВОЕ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ» НА ЗАПАДЕ

В статье рассматривается социально-исторический, интеллектуально-культурный и биографический контексты творческой истории и встречи со стороны читательской аудитории работы Н. А. Бердяева «Новое Средневековье», публикации которой в 1924 г. сопутствовал беспрецедентный резонанс в западном мире. На основании изучения широкого круга источников, включающего эпистолярные и мемуарные тексты, прослеживается формирование замысла и дальнейшая литературная судьба самого известного произведения Бердяева. Рассматривается история переводов «Нового Средневековья» и его публикаций на иностранных языках, при этом особое внимание уделяется переводам на немецкий и французский языки. В историко-философском контексте освещены личные и идейные взаимоотношения Бердяева с зарубежными мыслителями (в частности, Ж. Маритеном и Ф. Либом), проанализировано непосредственное влияние, оказанное работой Бердяева на формирование их взглядов. Предпринята попытка типологического сопоставления концепции «Нового Средневековья» с идеями таких зарубежных авторов, как О. Хаксли, Ж. Бернанос, Р. Вакка, У. Эко, У. Бек, исходя из этих примеров дана предварительная оценка значения концепции русского мыслителя в контексте развития западной и мировой мысли XX в.

Ключевые слова: медиевализм, Н. А. Бердяев, «Новое Средневековье», Ж. Маритен, Ф. Либ, Р. Вакка, У. Эко, У. Бек, О. Хаксли.

A. V. Chernyaev, A. Yu. Berdnikova
THE MAIN PHASES OF RECEPTION OF IDEAS OF N. A. BERDYAEV'S TREATISE
"NEW MIDDLE AGES" IN THE WEST

The article is devoted to the analysis of the socio-historical, intellectual-cultural and biographical contexts of N. A. Berdyaev's work "New Middle Ages". Publication of that work

* Черняев Анатолий Владимирович, кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник, Институт философии РАН; chernyaev@iph.ras.ru;

Бердникова Александра Юрьевна, кандидат философских наук, научный сотрудник, Институт философии РАН; alexser015@yandex.ru

in 1924 was accompanied by an unprecedented resonance in the Western intellectual society. Based on the study of a wide range of sources, including epistolary and memoir texts, the article traces the formation “New Middle Ages”: from the idea of creation till the further literary fate of this Berdyaev’s most famous work. The history of translations of the “New Middle Ages” and its publications in foreign languages is considered, with special attention paid to translations into German and French. In the historical and philosophical context, Berdyaev’s personal and ideological relationships with foreign thinkers (in particular, J. Mariten and F. Lieb) are highlighted, and the direct influence of Berdyaev’s work on the formation of their views is analyzed. An attempt is made to typologically compare the concept of the “New middle Ages” with the ideas of such foreign authors as O. Huxley, J. Bernanos, R. Vacca, W. Eco, U. Based on these examples, an assessment of Berdyaev’s ideas in the context of the Western intellectual and cultural heritage of the twentieth century is given.

Keywords: mediaevalism, N. A. Berdyaev, “New Middle Ages”, J. Mariten, F. Lieb, R. Vacca, U. Eco, U. Beck, O. Huxley.

Идея наступления эпохи «нового Средневековья», зародившись в творчестве йенских романтиков в конце XVIII в. (автором этой идеи традиционно принято считать Новалиса (настоящее имя — Фридрих фон Харденберг, 1772–1801), высказавшего ее в работе «Христианство или Европа» (опубл. в 1823 г.). Такая реактуализация средневекового наследия уже в XIX в. получила в среде историков определение как «идея медиевализма» — особого «культурного феномена», в контексте которого «для формирования образа современности используются символы и топосы, восходящие к средневековью» [17, с. 154]. Многими авторами также подмечается широта предметного поля медиевализма (хотя бы по сравнению со стандартно понимаемой медиевистикой), и делается вывод, что на основании этого медиевализм как явление можно сравнить, например, с ориентализмом, понимаемым в широком спектре смыслов (в т. ч. включающем в себя научные и академические коннотации) [16, с. 346–359]. Дальнейшее развитие идея «нового Средневековья» получает уже в XX в. благодаря одноименной работе Н. А. Бердяева, написанной и изданной им в 1924 г. в Берлине. Популярность концепции «возвращения Средних веков» на Западе, последовавшая практически сразу после публикации данной работы, повлияла не только на развитие философии, но и таких научных дисциплин, как история, социология, политология, экономика, литературоведение, искусствоведение и т. д. (см.: [3]).

Достаточно известными примерами переосмысления наследия эпохи Средних веков в контексте наступления кризиса эпохи модерна могут считаться работы многих как отечественных, так и западных мыслителей XX в. Так, одним из первых (но не столь явных, как у Бердяева) опытов анализа подобного рода можно назвать работу немецкого философа О. Шпенглера «Закат Европы» («Der Untergang des Abendlandes», 1918). Затем, уже после успеха «Нового Средневековья» на Западе, нашлось немало мыслителей, сравнивавших идеи, высказанные в этих двух работах (см.: [8, с. 142]). На концепцию «нового Средневековья» Бердяева ссылался французский писатель экзистенциального толка Жорж Бернанос (1888–1948), выступая во второй половине 1930-х гг. в леволиберальной прессе против начала войны в Испании и режима генерала Франко. Концепцию «нового Средневековья» Бердяева Бернанос использовал, делая вывод о характере испанского народа:

Если новое Средневековье, о котором говорит Бердяев, однажды наступит, это произойдет на той старой земле, где живет единственная европейская раса, сохранившая все несовершенства и всю добродетель детства, его самоотверженность, героизм и, увы, жестокость [10, с. 193–194].

Многие западные исследователи (в т. ч. Анна Мишель Фюме, переводчица «Нового Средневековья» на французский язык) находили схожие с историсофскими идеями Бердяева мотивы в повести Бернаноса «Под солнцем Сатаны» («Sous le soleil de Satan»), вышедшей в 1926 г. в серии «Collection le Roseau d'Or».

Опосредованными откликами на идеи Бердяева можно считать также известные на Западе труды итальянских мыслителей: писателя и ученого Умберто Эко (1932–2016) и писателя, философа и профессора математики Роберто Вакка (р. 1927). Нередко в среде исследователей работы именно этих мыслителей упоминаются (наравне с самим трудом Н. А. Бердяева) в качестве «основополагающих» касаясь темы «нового Средневековья» [12, с. 177–189]. Своеобразный всплеск интереса к идее кризиса современной эпохи и «нового возврата» к средневековым идеалам и реалиям в Италии пришелся на 70-е гг. XX в. Первым, обратившим на данный феномен пристальное внимание, стал ученый-математик, инженер компьютерных систем и футуролог Роберто Вакка, обозначив свое видение данной проблемы в книге «Ближайшее средневековое будущее. Упадок больших систем» («Il Medioevo prossimo venture. La degradazione dei grandi sistemi», 1971; английский перевод «The Coming Dark Age», 1973). Создавая этот труд, Вакка, по собственному признанию, во многом вдохновлялся деятельностью Римского клуба, сравнительно «молодой» по тем временам организации, основанной в 1968 г. [27, р. 5]. В данной книге Вакка представляет западное общество как «общество потребления» и совокупность «сложных систем» (экономических, политических, социальных, технологических и т. д.), «случайный крах» любой из которых может в теории за очень быстрое время привести к «падению» всей западной техногенной цивилизации в целом [27, р. 10–11]. Закономерным результатом этого, согласно мысли ученого, и должен в итоге стать возврат к Средневековью, который, по его расчетам, случится уже в самом «ближайшем будущем». Но стоит отметить, что на этом выводе футурологические исследования Роберто Вакка не закончились: так, в 1986 г. он выпустил еще одну книгу под названием «Ближайшее ренессансное будущее» («Rinascimento prossimo venturo»), в которой, продолжая заниматься анализом «сложных систем», уже предложил ряд возможных сценариев «преодоления общеевропейского кризиса», в качестве таковых особенно выделяя «развитие культуры» и создание «общества знания» («la società della conoscenza») [28, р. 15].

Книга «Ближайшее средневековое будущее» стала достаточно резонансной и вызвала множество откликов; автором одного из которых выступил У. Эко, написав в 1972 г. эссе «Средние века уже начались» («Il Medioevo è già cominciato») (некоторые исследователи ошибочно указывают в качестве даты выхода этой работы 1994 г., когда увидел свет ее перевод на русский язык, выполненный Е. Балаховской). Эссе вышло в сборнике работ «Документы о новом Средневековье», где были опубликованы также работы Ф. Коломбо,

Дж. Сакко и Фр. Альберони [23]. В этой работе Эко анализирует положение, в котором оказалось современное ему западное общество, представляя «неизбежный» возврат к Средневековью, обозначенный Р. Ваккой, в качестве главного «мифа эпохи»; сходные черты между современностью и эпохой Средних веков он находит в таких феноменах, как: апокалипсичность мышления; неокочевничество (в качестве которого сейчас выступает развитая туристическая отрасль и авиаперевозки); монастырская культура (ярким примером которой, по мнению ученого, являются западные университеты); искусство, строящееся по модели бриколажа; неофеодализм, проявляющий себя в экономическом и политическом кризисах, и т. д. Отдельного упоминания заслуживает параллель, которую проводит Эко, между Великой римской империей и современной американской цивилизацией (обозначаемой им, соответственно, как «Великая Американская империя») [20, с. 164–167]. Но при этом, как отмечают многие исследователи творчества итальянского мыслителя, будучи всегда в первую очередь медиевистом, в своих рассуждениях Эко расценивает наступление эры «нового Средневековья» с положительной точки зрения, характеризуя «средневековые кризисы» как «залог дальнейшего развития, время создания новых идей, новых перспектив и нового человека» [11, с. 112]. Стоит отметить также, что У. Эко еще раз пристально обращается к идее наступления эпохи «нового Средневековья» уже в начале 2000-х гг., находясь под впечатлением от атаки террористов на Всемирный торговый центр 11 сентября 2001 г. В период с 2001 по 2006 гг. выходит ряд его эссе и газетных публикаций на эту тему, впоследствии в переводе на русский язык составивших сборник «Полный назад! “Торячие войны” и популизм в СМИ» [19]. К этому же времени относится расширенное и дополненное другими работами переиздание его работы «Средние века уже начались» [24]. Здесь он развивает мысль о «мифическом» и отчасти «магическом» характере техногенной цивилизации для взгляда обывателя, вследствие чего им выявляется основная черта, позволяющая говорить о наступлении эпохи «нового Средневековья»: абсолютная неуверенность «обывателя» в завтрашнем дне: «Может быть, если задуматься, то по традиции ожидание конца света “*mala tempora currunt*” (дурные времена настали) оправдывается тем фактом, что в мире все перевернулось» [19, с. 557].

В Германии тема наступления эпохи «нового Средневековья» нашла отклик в концепции «общества риска» известного социолога и философа Ульриха Бека («Общество риска. На пути к другому модерну», 1986; «Что такое глобализация», 1997). Согласно его рассуждениям, возврат к Средневековой эпохе является характерной чертой процесса глобализации, особенностями которого являются появление транснациональных корпораций, неофеодализм в экономике и политике, «сословное» деление стран на «первый, второй и третий мир» [7, с. 85–86] и т. д.

Стоит упомянуть также и о рецепции идей Бердяева в творчестве английского писателя Олдоса Хаксли (1894–1963), взявшего в качестве эпиграфа к своему роману-утопии «О, дивный, новый мир» («*Brave New World*», 1932) слова из французского перевода «Нового Средневековья» (точнее, из эссе «Демократия, социализм и теократия»):

Les utopies apparaissent bien plus réalisables qu'on ne le croyait autrefois. Et nous nous trouvons actuellement devant une question bien autrement angoissante: comment éviter leur réalisation définitive?... Les utopies sont réalisables. La vie marche vers les utopies. Et peut-être un siècle nouveau commence-t-il, un siècle où les intellectuels et la classe cultivée rêveront aux moyens d'éviter les utopies et de retourner à une société non utopique moins "parfaite" et plus libre [25, p. 2]. (Но утопии оказались гораздо более осуществимыми, чем казалось раньше. И теперь стоит другой мучительный вопрос, как избежать окончательного их осуществления <...> Утопии осуществимы. <...> Жизнь движется к утопиям. И открывается, быть может, новое столетие мечтаний интеллигенции и культурного слоя о том, как избежать утопий, как вернуться к не утопическому обществу, к менее «совершенному» и более свободному обществу [18, с. 6]).

Выбор именно этого фрагмента для эпиграфа столь значимой в творчестве Хаксли книги представляется неслучайным: существует достаточно много исследований, демонстрирующих пристальное внимание британского литератора по отношению к русскому культурному и литературному наследию: в частности, к творчеству А. Блока, Л. Н. Толстого, Ф. М. Достоевского и др. [15, с. 85–88]. Обращение же к «Новому Средневековью» здесь органично вписывается в контекст осмысления феноменов утопии и антиутопии, что являлось одной из центральных тем творчества Хаксли конца 1920-х — начала 1930-х гг. [15, с. 229–231]. Идею обращения к концепции «нового Средневековья» применительно к современной эпохе, различным ее кризисам и «вызовам», в той или иной степени можно найти также в работах П. Сорокина, Дж. Джейкобс, Н. Стоуна, А. Минка, З. Баумана, О. Г. Эксле, Д. Рашкоффа, В. Шляпентоха, Ж. ле Гоффа, Э. Гидденса, К. Ясперса, А. А. Зиновьева, Г. П. Щедровицкого и др.

Одну из основных задач, которую ставил перед собой Бердяев в начале своего пребывания за границей, он озвучил в письме к писательнице и деятелю Конституционно-демократической партии Ариадне Владимировне Тырковой-Вильямс (1869–1962):

Прежде всего, хочется Вам сказать, что я считаю своей миссией за границей — по мере сил отвлекать русских от исключительной поглощенности политикой и мелочной борьбой разных политических групп и обратить <их> к духовной жизни и <к> духовным интересам [21, с. 324–340].

Не будет преувеличением утверждение, что Бердяеву удалось «обратить к духовной жизни» не только русских эмигрантов той поры, но и многих европейских мыслителей, во многом благодаря весьма продуктивным личным контактам и дружбе с ними. В число этих мыслителей почти сразу после эмиграции Бердяева вошли Г. А. Кейзерлинг, М. Шелер, О. Шпенглер, Ф. Либ, Д. Койген; позже, уже в период жизни русского философа во Франции, к ним добавились Ж. Маритен, Г. Марсель, Ш. Дю Бос, Э. Жильсон, А. Жид, Л. Блюм, Э. Мунье и др. Можно согласиться с О. Д. Волгогоновой и признать, что, во многом благодаря таким обширным связям с западными мыслителями Бердяев стал «своеобразным “посредником” между русской и западной культурами» [4, с. 296].

Многие исследователи (В. В. Зеньковский, Н. П. Полторацкий) включают берлинский период творчества Н. А. Бердяева в «историософский», или «исторический», этап развития его интересов. Всего В. В. Зеньковский выделял четыре таких «условных» периода деятельности философа: этический, религиозно-мистический, историософский и персоналистический:

Чтобы дать обзор главных высказываний Бердяева на философские темы, я (несколько искусственно) разбиваю все творчество его на четыре периода, но эти периоды не столько отмечают (хронологически) разные ступени в философском развитии Бердяева, сколько выражают разные аспекты его философии. Каждый период можно характеризовать по тому акценту, который его отмечает, но это вовсе не исключает наличности в данном периоде построений и идей, которых акцент придется уже на другой период. Первый период выдвигает на первый план этическую тему, и хотя до конца жизни Бердяев был прежде всего и более всего моралистом, но в наиболее чистой своей форме, без осложнения другими началами, моральная тема характерна именно для первого периода его творчества. Второй период отмечен религиозно-мистическим переломом в Бердяеве — и, конечно, религиозно-мистическая тема дальше уже не выпадает из его сознания, но ее акцент в наиболее чистой форме падает на второй период творчества Бердяева. Третий период определяется акцентом на историософской проблеме (включая и характерный для последних лет Бердяева вкус к эсхатологии); наконец, четвертый период (или четвертый акцент) связан с персоналистическими идеями его [5, с. 669].

Н. П. Полторацкий, в свою очередь, также делит творчество Бердяева на четыре периода, но при этом, противопоставляя свою схему классификации Зеньковского, считает «историософский» период вторым по хронологии (первый — социологический, или психологический — от юношеского увлечения марксизмом до первой русской революции; второй — исторический, или космический — от 1905 г. до середины 20-х гг.; третий — этический, или персоналистический — от середины 20-х до середины 30-х гг.; четвертый — эсхатологический — от середины 30-х до смерти Бердяева в 1948 г.) [14, с. 7–8].

Теме осмысления исторического пути России и мира были посвящены следующие труды Бердяева: «Философия неравенства» (1923), «Новое средневековье. Размышление о судьбе России и Европы» (1924), «О рабстве и свободе человека» (1933), «Опыт эсхатологической метафизики» (1947), «Истоки и смысл русского коммунизма» (1955) и др. Из них впервые увидели свет во время пребывания Бердяева в Берлине такие работы, как: «Мирозерцание Достоевского», «Смысл истории» (1923), «Философия неравенства. Письма к недругам по социальной философии» (1923) и «Новое Средневековье (размышления о будущем русской и европейской культуры)» (1924).

В окончательную редакцию «Нового Средневековья» вошли три эссе: собственно «Новое Средневековье», «Демократия, социализм и теократия» и «Размышление о русской революции». К ним по мере выхода различных переводов «Нового Средневековья» на иностранные языки могли добавляться другие работы Бердяева; так, к примеру, в состав англоязычного перевода, выполненного Дональдом Эттуотером (Donald Attwater), была дополнительно включена статья Бердяева «Генеральная линия советской философии» («“General line” of Soviet philosophy»), впервые опубликованная в журнале «Путь» (1932).

№ 4; отдельное издание — «Генеральная идея советской философии и воинствующий атеизм», Париж: YMCA-press, 1932), в которой он сравнивал советский марксизм и основанный на гегельянстве диалектический материализм с философией «общего дела» Н. Ф. Федорова.

Первоначально при публикации своих трудов в Берлине на русском языке (в 1923 г. «Смысл истории» и «Философия неравенства»; в 1924 г. — «Новое средневековье») Бердяев столкнулся с проблемами организационного и материального характера; в конечном итоге эти работы были выпущены в издательстве «Обелиск», которому Бердяев, согласно воспоминаниям его супруги Лидии Юдифовны Бердяевой, был вынужден продать свои рукописи буквально «за гроши» [1, с. 153]. Но после выхода в свет «Нового средневековья» философ стал стремительно приобретать популярность у европейской аудитории. Практически сразу после русскоязычного издания этой работы стали выходить ее переводы на иностранные языки, число которых достигло четырнадцати, в т. ч. переводы на французский, немецкий, английский, датский, испанский, нидерландский, венгерский, японский, польский, хорватский, румынский, шведский и т. д. Список известных переводов в хронологическом порядке их появления был отражен в библиографии мыслителя, составленной в 1978 г. его бывшим секретарем Тamarой Федоровной Клепининой (1897–1987) [6]. Вот, к примеру, некоторые из них: *Le Nouveau Moyen-Âge. Réflexions sur le destinées de la Russie et de l'Europe*. Trad. par A. M. F. Paris: Plon, 1927. VIII + 295 p.; *Das Neue Mittelalter. Betrachtungen über das Schicksal Russlands und Europas*. [Aus dem Russischen übersetzt von Alexander Kresling.] Darmstadt: O. Reicht, 1927. 146 S.; *The End of Our Time. Together with an essay on the "General line" of Soviet philosophy* [trans. by Donald Attwater.] London: Sheed and Ward, 1933. 258 p.; *Den Nye Middelalder*. København: Sørensen, 1936; *Una Nueva Edad Media. Reflexiones acerca de las destinos de Rusia y de Europa*. Versión española de José Renom. 2 ed. Barcelona: Editorial Apolo, 1932. 237 p.; *De Nieuwe Middeleeuwen*. Amsterdam: Die Poorte, 1935; *Az Üj Középkor*. Budapest: Pro Christo Diakszöv, 1935; *現代の終末* [Gendai No Shūmatsu]. Trad. de Arakawa Tatsuhiko. Tokyo: Mikasa Shobo, 1953, 126 p.; *Nowe Średniowiecze*, Trad. de Marjan Reutt. Warszawa: Wyd. Rój, 1936; *Novo Srednovjekovje. Razmišljanja o sudbini Rusije i Evrope*. [Preveo Nikola Thaller.] Varazdin: Tisak i naklada. J. B. Stiflera, 1932, 102 p.; *Tankar Om Demokratien? Socialismen och Theokratien*. Stockholm: Den Enskilde, 1945 (Trad. partielle) и т. д. (см.: [22, p. 35–36]). Свидетельством популярности «Нового Средневековья» могут также выступить и рецензии на данную работу, появлявшиеся в западной прессе как сразу, так и спустя годы после ее выхода. Некоторые из немецкоязычных рецензий на «Новое Средневековье» перечислены в работе Штефана Райхельта, посвященной рецепции идей Бердяева в Германии: Blasber U. *Das neue Mittelalter* // *Annalen der Philosophie und der philosophischen Kritik*. 1927. Bd. VI. 38 f; Lestschinski J. *Das neue Mittelalter* // *Weltwirtschaft Zeitschrift für weltwirtschaftliches Archiv und Seeverkehr an der Universität Kiel*. 1927. Bd. 25. S. 203; Michel E. *Der Bolschewismus und die Kernfrage Europas*. Aus Anlaß von N. Berdjajevs Schrift „Das Neue Mittelalter“ // *Der Kunstwart*. 1927. Bd. 40. S. 22–28; Rinn H. *Das neue Mittelalter* // *Der Kunstwart*. *Deutscher Diens am Geiste*. 1927. Bd. 40. S. 346–349; Rosenstoch E. *Das neue Mittelalter* // *Una Sancta / Sonderheft*

Ostkirche. 1927. Bd. 3. S. 125–128; Rutenbork G. Ein neues Mittelalter? // Evangelische Welt. Nachrichtendienst der Evangelischen Kirche von Westfalen. 1949. Bd. 3. 712f. [26, S. 238–248].

Нельзя сказать, что сам Бердяев воспринимал такой повсеместный успех своего произведения с радостью, поскольку не считал «Новое Средневековье» своей лучшей работой:

Эта маленькая книжка, в которой я пытался осмыслить нашу эпоху и ее катастрофический характер, сделала меня европейски известным. Сам я не придавал такого значения этой книжке, но в ней я, действительно, многое предвидел и предсказал. У меня есть острое чувство судеб истории, и для меня это противоречие, потому что я мучительно не люблю истории. Я не любил, когда многие иностранцы рассматривали меня, главным образом, как автора «Нового средневековья». Я написал книги более значительные и для меня, и по существу, но менее доступные для широкого чтения [2, с. 496].

В дневниках Л. Ю. Бердяевой мы можем найти подтверждение непростой истории появления на свет работы «Новое Средневековье» и ее издания: в конце 1934 г., обсуждая с супругой вышедший в Париже свой труд «Судьба человека в современном мире (К пониманию нашей эпохи)», Бердяев сокрушался: «Мне очень интересно: неужели книга эта, как и другие, пройдет незамеченной у русских? Ведь нигде и никто о моих книгах не упоминает. Какой-то заговор молчания, бойкот» [1, с. 58]. В связи с этим на ум Николаю Александровичу и его жене приходит аналогия с изданием «Нового Средневековья»: «Одно время мы думали даже, что придется искать деньги, чтоб издать ее на свой счет... А книга эта имеет такой успех в Европе, переведена на фр<анцузский>, англ<ийский>, немец<кий>, испанский» [1, с. 58].

Хронологически первым в череде переводов «Нового Средневековья» на европейские языки стало ее немецкоязычное издание, состоявшееся в 1927 г. Стоит отметить, что «Новое Средневековье» было не первой работой Бердяева, переведенной на немецкий язык; этому предшествовало издание на немецком двух других работ мыслителя: «Смысл истории» («Der Sinn der Geschichte», 1925) и «Мирозерцание Достоевского» («Die Weltanschauung Dostojewskijs», 1927). Переводчиком первой стал немецкий лингвист и историк искусства эстонского происхождения Отто фон Таубе (Otto Freiherr von Taube, 1879–1973); второй — корреспондент О. Шпенглера Вольфганг Грёгер. «Новое Средневековье» же, как уже было сказано, вышло на немецком языке в 1927 г. под названием «Das neue Mittelalter», и его переводчиком стал Александр Креслинг (Alexander Kresling), также занимавшийся переводом на немецкий язык работы С. Н. Булгакова «Трагедия философии» («Die Tragödie der Philosophie», 1927). Примечательно, что все три вышеназванных перевода вышли при помощи и деятельном участии графа Г. А. фон Кейзерлинга (Hermann Alexander Graf Keyserling, 1880–1946), с которым Бердяев познакомился практически сразу после своего переезда в Берлин:

В Берлине в это время я встретился и с Кейзерлингом, с которым возникли потом более близкие отношения. Кейзерлинг произвел на меня впечатление человека блестящего, но тоже эгоцентрического. Это один из самых блестяще

одаренных людей Европы. Он отлично говорил по-русски, как и на многих языках. Меня всегда трогало отношение Кейзерлинга ко мне, он всегда относился ко мне с большим вниманием и сердечностью. Он помог напечатанию на немецком языке моей книги «Смысл истории» и написал к ней предисловие. Он писал обо мне статьи, в которых очень высоко оценивал мою мысль [2, с. 495–496].

Интересна история перевода «Нового Средневековья» на французский язык, проливающая свет на отношения Бердяева с французским теологом, представителем неотолизма Жаком Маритеном (1882–1973). Знакомство Маритена и Бердяева состоялось в 1925 г., в первые месяцы после прибытия Бердяева во Францию. Это знакомство, переросшее затем в настоящую дружбу, как впоследствии будет вспоминать Бердяев, произошло благодаря вдове французского мыслителя Леона Блуа (Léon Bloy, 1846–1917; анализу творчества Леона Блуа Бердяев посвятил свою статью «Рыцарь нищеты» (журнал «София», М., 1914. № 6, июнь. С. 49–78), во многом повлиявшего на формирование взглядов Маритена, а также благодаря активному участию Маритена в организованном Бердяевым в 1926 г. «Кружке религиозных интерконфессиональных исследований», заседания которого происходили «в русском доме на Boulevard Montparnasse» [2, с. 511–514]. Упомянутый Бердяевым «русский дом» располагался по адресу: Париж, бульвар Монпарнас, дом 10. В нем находились РСХД, Религиозно-философская академия и редакция журнала «Путь» [9, с. 344]. О деятельности «Кружка» Бердяев упоминает в «Самопознании»; о нем же пишет в комментариях к русскому переводу избранных писем Ж. Маритена к Бердяеву Е. В. Бронникова. Так, в архивных документах из фонда Бердяева в РГАЛИ (Ф. 1496. Оп. 1. Ед. хр. 933) сохранилась информация о том, что в данных собраниях принимали участие и выступали с лекциями Г. В. Флоровский («Идея творения в христианской философии»), Э. Мунье («Два понятия жертвенности»), Л. П. Карсавин («Божественность и человечность Иисуса Христа и проблема свободы») и др. Сам Бердяев делал доклад на тему «Власть и свобода в Церкви», Ж. Маритен — «Природа сотворенная в ее отношениях с Богом» [9, с. 344]. На заседаниях «Кружка» выступали с лекциями и принимали участие в прениях и дискуссиях католические и протестантские теологи, а также русские религиозные мыслители (Г. В. Флоровский, Л. П. Карсавин, С. Н. Булгаков, Г. П. Федотов и др.). В 1928 г. кружок был закрыт официально (поскольку представителям католической церкви было запрещено участвовать в его заседаниях вместе с протестантами), но на этом «интерконфессиональные собрания» не завершились, переместившись в дом самого Бердяева в Кламаре. Автором перевода «Нового Средневековья» на французский язык стала жена близкого друга Бердяева и Маритена, философа и католического теолога Станисласа Фюме (1896–1983) Анна Мишель (урожденная Розова). Бердяев был не вполне доволен изначальным вариантом этого перевода, выполненного, по его мнению, слишком «дословно», тогда как сам Николай Александрович хотел, чтобы это было скорее «переложение» его текста на французский язык с сохранением всех основных идей. Об этом мы можем почерпнуть информацию из переписки Бердяева и Маритена, частично опубликованной Е. В. Бронниковой в 1992 г. в журнале «Путь». «Дорогой друг, я, как и Вы, огорчен тем, что Вы пишете о переводе Вашей книги, — сообщает Маритен Бердяеву в письме

от 9 августа 1926 г. — Думаю, лучше всего было бы написать Фюме, что сам перевод Вы находите точным, но чересчур буквальным, а, по Вашему мнению, необходимо настоящее переложение, дабы получился, и по стилю, и по содержанию, французский эквивалент русского текста... Но в любом случае, я думаю, лучше будет сделать это до того, как я прочту работу: это меньше заденет г-жу Фюме, которая приложила к переводу столько стараний (и которая, кстати, если верить, совершенно сознательно стремилась сделать его дословным)» [9, с. 335]. В переписке Бердяева и Маритена также можно найти информацию о возможных заглавиях этого перевода. Так, Бердяев предлагал в качестве основного варианта заглавие «Культура, цивилизация и религиозное преображение», которое показалось Маритену «слишком длинным». В качестве альтернативных вариантов Маритеном были предложены «Мудрость истории» и «Философия культуры» [9, с. 343]. В итоге, как известно, франкоязычный перевод «Нового Средневековья» был выпущен под практическим дословным заглавием («Un Nouveau Moyen age») в серии «Collection le Roseau d'or» (Коллекция «Золотая трость»; в интерпретации Л. Ю. Бердяевой — «Коллекция золотого тростника») в парижском издательстве «Plon» в 1927 г. (второе издание — там же в 1930 г.). Коллекция «Золотая трость» (1925–1932, название представляет собой отсылку к Откровению св. Иоанна Богослова (21: 15) где «золотая трость» является эталоном для измерения небесного Иерусалима: «Говоривший со мною имел золотую трость для измерения города и врат его и стены его») была основана Жаком Маритеном совместно с французскими мыслителями, литературными критиками и писателями Анри Массисом (1886–1970), Фредериком Лефевром (1889–1949) и Станиславом Фюме. В ней также вышел французский перевод работы Бердяева «Размышления о судьбах России и Европы» (на русском увидевшей свет в 1924 г. в Берлине). Кроме этого, в «Коллекции» публиковались труды А. М. Ремизова (поэма «Страсть девы» и сказка «Петушок»), Б. К. Зайцева (рассказ «Преподобный Сергей Радонежский») и др. [10, с. 191–202]. На Западе именно франкоязычное издание «Нового Средневековья» стало одним из самых популярных; спустя почти десятилетие после первого выхода этого перевода его тираж превысил десять тысяч экземпляров и все еще пользовался спросом [1, с. 158].

Кроме Маритена в числе зарубежных мыслителей, на которых, по их собственному признанию, оказала особое влияние работа Бердяева «Новое Средневековье», стоит отметить швейцарского философа и протестантского теолога Фрица Либа (Frietz Lieb, 1892–1970), с которым Николай Александрович состоял в дружеских отношениях и о котором он очень тепло отзывался в своих воспоминаниях:

Из всех приобретенных на Западе друзей я должен вспомнить об очаровательном Либе, швейцарском теологе и вместе с тем социалисте. Он был совершенно помешан на русских и России, имел чудесную русскую библиотеку, просил называть его Федором Ивановичем, хотя он был Фриц. Общение с ним было сердечное, без условностей, в нем была русская хаотичность. Он человек с большими знаниями и умственными интересами. Беседа с ним была интересна. Его отношение к русской мысли было трогательно, он раздирался между К. Бартом и русской религиозной философией. Он был другом нашего дома. Вспоминаю о нем с любовью [2, с. 530].

Либ одним из первых отреагировал на выход немецкого перевода «Нового Средневековья», в письме к Бердяеву от 3 февраля 1928 г. сравнивая эффект, произведенный на него этой работой, с эффектом разорвавшейся бомбы: «Ihr 'Neues Mittelalter' hat bei mir wie eine Bombe eingeschlagen...» [13, л. 4] Именно «Новое Средневековье» стало для Либ, по его собственному признанию, «ответом на все гнетущие вопросы, атакующие нас перед лицом кризиса нашей культуры и нашей жизни» («Das Buch war wirklich für mich eine Antwort auf all die bedrückenden Fragen die auf uns angesichts der Krisis unserer Kultur und unseres ganzen Lebens stürmen») [13, л. 4 об.]. Более того, в идеях, изложенных Бердяевым в «Новом Средневековье», а также в работе «Смысл истории», Либ видел «общую основу», «общую почву» «Востока и Запада» — «германского протестантизма» и «русского православия». Единственное, с чем Либ выражал здесь свое несогласие, — это понимание Бердяевым свободы в историческом и теологическом смыслах. В рамках концепции «нового Средневековья», полагает он, свобода должна дополняться идеей всеобщего предопределения, — и только в этом случае можно будет найти выход из наступившего в Европе «кризиса культуры» [13, л. 5].

Таким образом, работа «Новое Средневековье» может быть признана не только значительной вехой для творчества самого Бердяева, но также и важным произведением для формирования современных парадигм в западной и отечественной гуманитарной науке, осмысление которых остается актуальным и по сей день. В заключение же можно отметить, что идея наступления «нового Средневековья», получившая большой резонанс в среде как западных, так и отечественных мыслителей после выхода одноименного труда Н. А. Бердяева в 1924 г., находила своих поклонников и приверженцев и в дальнейшем? хотя Н. А. Бердяев был далеко не единственным мыслителем XX в., обратившимся к идее «возвращения» Средних веков, наступления эпохи «нового Средневековья» (развитием этой концепции занимались также Питирим Сорокин, Г. П. Щедровицкий, А. А. Зиновьев и др.).

ЛИТЕРАТУРА

1. Бердяева Л. Ю. Профессия: жена философа / сост., авт. предисл. и коммент. Е. В. Бронникова. — М.: Молодая гвардия, 2002. — 262 с.
2. Бердяев Н. А. Самопознание. Русская идея. — М.: АСТ: Астрель; Владимир: ВКТ, 2011. — 604 с.
3. Блехер Л. И., Любарский Г. Ю. Главный русский спор: от западников и славянофилов до глобализма и Нового Средневековья. — М.: Академический проект, 2003. — 608 с.
4. Волгогонова О. Д. Бердяев. — М.: Молодая гвардия, 2010. — 390 с.
5. Зеньковский В. В. История русской философии. — М.: Академический проект; Раритет, 2001. — 880 с.
6. Клепинина-Аржаковская Е. Д. Т. Ф. Клепинина, секретарь Н. А. Бердяева (биографические материалы) // «Великий киевлянин» Николай Бердяев / под ред. М. Ю. Савельевой, Д. Суходуб, Г. Е. Аляева. — Киев: Изд. дом Дмитрия Бураго, 2018. — С. 484–487.

7. Купряшкин И. В. Конец современности: впереди Средневековье? // Вестник БГУ. — 2016. — № 6. — С. 81–89.
8. Левицкий С. А. Очерки по истории русской философской и общественной мысли: в 2 т. — Франкфурт-на-Майне: Посев, 1981. — Т. 2. — 231 с.
9. Маритен Ж. Письма к Н. А. Бердяеву. 1926–1936 гг. / публ. и прим. Е. В. Бронниковой // Путь. — 1992. — № 2. — С. 333–346.
10. Мийе-Жерар Д. Русское присутствие во Франции 1920–1930-х гг. На страницах журнала «Золотая трость» // Новейшая история России. — 2015. — № 1 (12). — С. 191–202.
11. Папушина А. А. Внутреннее Средневековье Умберто Эко // Vox medii aevi. — 2017. — № 1. — С. 107–119.
12. Пилюгина Е. В. Общество постмодерна в парадигме «Нового Средневековья»: концептуализация // Вестник РХГА. — 2016. — Т. 17, вып. 1. — С. 177–189.
13. Письма Либа Фрица (Lieb Fritz) Н. А. Бердяеву // РГАЛИ. — Ф. 1496. — Оп. 1. — Ед. хр. 579. — 29 л.
14. Полторацкий Н. П. Бердяев и Россия. (Философия истории России у Н. А. Бердяева). — Нью-Йорк: Общество Друзей Русской Культуры, 1987. — VI, 270 с.
15. Рабинович В. С. Олдос Хаксли: эволюция творчества. — Екатеринбург: Уральское литературное агентство, 2001. — 448 с.
16. Савицкий Е. Е. «Новый медиевализм» четверть века спустя // Новое литературное обозрение. — 2015. — № 5 (135). — С. 346–359.
17. Филюшкин А. И. Медиевализм: почему нам сегодня нужны средние века? // Историческая экспертиза. — 2018. — № 4 (17). — С. 153–162.
18. Хаксли О. О, дивный, новый мир / пер. с англ. О. Сорока. — М.: Азбука-классика, 2000. — 351 с.
19. Эко У. Полный назад! / пер. с ит. Е. Костюкович. — М. Астрель: Corpus, 2012. — 608 с.
20. Эко У. Средние века уже начались / пер. с ит. Е. Балаховской // Иностранная литература. — 1994. — № 4. — С. 258–267.
21. Янгиров Р. Против течения: Николай Бердяев и его спор с «Белым Делом» о России // Отечественные записки. — 2007. — № 3 (май-июнь). — С. 324–340.
22. Bibliographie des Oeuvres de Nicolas Berdiaev. Établie par Tamara Klépinine. — Paris: YMCA-press, 1978. — 160 p.
23. Eco U, Colombo F, Alberoni F, Sacco G. Documenti su il nuovo Medioevo. — Milano: Bompiani, 1973. — 349 p.
24. Eco U. Dalla periferia dell'impero: cronache da un nuovo Medioevo. — Milano: Bompiani, 2003. — 359 p.
25. Huxley A. L. Brave New World. — London: Chatto & Windus, 1932. — 311 p.
26. Reichelt S. G. Nikolaj A. Berdjaev in Deutschland 1920–1950: Eine rezeptionshistorische Studie. — Leipzig: Leipziger Universitätsverlag, 1999. — 273 S.
27. Vacca R. Il Medioevo prossimo venturo. — Milano: Mondadori. 1971. — 208 p.
28. Vacca R. Rinascimento prossimo venturo. — Milano: Bompiani. 1986. — 286 p.